

УДК 111:572

В. А. Кóсяк

Сумской государственной педагогический
университет имени А.С.Макаренко

ПУТЕШЕСТВИЯ. ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ

Осмысливается проблематичность закреплённости за человеком путешествующим определённого топоса в мире, поскольку человек эксцентричен, не центрирован в своем органическом теле, оснащен неорганической семантикой и потому обладает многими «степенями свободы» для выполнения многообразных культурных функций, перемещений и пребывания в разных пространствах. Рассматриваются факторы, будирующие «страннический невроз». Эксплицируются путешествия «внешние» и «внутренние» (экстравертивные и интровертивные), путешествия как осуществления пути в религиозной рефлексии, пути как ухода от чего-то и пути как стремления к чему-то, пути, в котором все окружающее нас подает нам знаки, как-то и что-то говорит нам.

Ключевые слова: человек путешествующий, неорганичное тело человека, человек нетелоцентричный, путешествие экстравертивное, путешествие интровертивное, путешествие «от», путешествие «к».

Классическое человековедение, имеющее целью поиск человеческой «первосущности», основывалось на презумпции наличия у человека определенного места в мире. В постклассической же философской антропологии допускается (если не утверждается), что человек такого места не имеет, он ищет его, и этот поиск латентно может составлять содержание всей его жизни. Именно такой видится современная человеческая ситуация в экзистенциально-феноменологической редукции. Искать – это значит куда-то передвигаться реально или передвигаться в воображении. Передвижение в длительном поиске похоже на путешествие. Номо viator – предмет одного из исследований Габриеля Марселя, христианского философа, близкого к феноменологии и экзистенциализму. «Путешествие» в экзистенциальной антропологии может мыслиться в сакральной парадигме с выявлением взаимосвязей сакральных и профанных проявлений человека путешествующего, с осмыслением его жизни как пути, скитальчества («ведь каждый в мире странник»), конечности и кратковременности его земного пути. Такая «эсхатологическая» персоналистическая рефлексия, теплящаяся в подсознании, будирует странническую, бродяжническую ностальгию, которая спорадически захватывает и отправляет нас в путешествия.

Тягу к путешествиям можно объяснить эксцентричностью человеческого существа (Х. Плеснер), потребностью и способностью

человека преступать свою середину, выходить из ситуаций «Я – здесь – теперь». Эта способность «выходить» делает утопичной возможность закрепленного человеческого месторасположения, которое органично для животных существ с их телеоцентризмом. Но человек не телеоцентричен, поскольку не фиксирован границами своего органического тела. Его витальные силы вступают в прямые и опосредованные контакты со всем предметным миром благодаря многообразию его неорганической соматики, которая суть артефакты материальной культуры, которые предстают усовершенствованием и продолжением его тела. Большинство изобретений человека «продолжают» его биологические органы, расширяя их возможности. С помощью технических средств мы все более выходим за пределы своей природной биосоматики и делаем весь предметный мир (природный и искусственный) продолжением своего органического тела. Но и наши витальные силы побуждают нас к выходу за собственные пределы.

Предметная среда, необходимая для жизни человека, инструменты, оборудование, с которыми он работает, становятся продолжением его душевно-телесного «Я». Весь созданный нами материальный мир – это придатки нашего тела, которое само принадлежит к миру вещей, оказывается одной из них, вплетено в мировую ткань, образует из других вещей сферу вокруг себя, так что они становятся его дополнением или продолжением. «Вещи теперь уже инкрустированы в плоть моего тела, составляют часть его полного определения, и весь мир скроен из той же ткани, что и оно» [7, с. 15]. Неорганическое тело человека, все то, чем он орудует во внешнем мире, да и внутри себя, сообщает его деятельности множество «степеней свободы». Все мироздание, в конечном счете, в форме неживой природы, может стать неорганическим телом человека. По К. Марксу, человек своей универсальностью всю природу превращает в свое неорганическое тело. Природа служит ему жизненным средством, материалом, предметом и орудием его жизнедеятельности. Благодаря своей универсальности, телесные органы человека (опосредованные неорганическими предметами-телами) могут выполнять бесконечно многообразные культурные функции. Распространение новых технологий, включая медицину и информатику, космизм земной деятельности людей подтверждают этот факт.

Проникая все более во внечеловеческое пространство, во Вселенную, человек все более выходит за пределы своей витальной среды. Не утрачивает ли человек при этом уверенность в целесообразности своего тела, если применить к нему телеологическую точку зрения? Ведь чем меньше радиус действия животного, тем больше его зависимость от функционирования его тела, тем больше его тело целесообразно. Человек же с помощью технических средств, дополняющих его органическое тело, приобретает громадный радиус действия, полагание его целей становится

бесконечно далеким. «Удлинив руку» с помощью технических средств, человек взял образцы грунта с поверхности Луны.

По Г. Зиммелю, вследствие дистанции, существующей между физиологической данностью человека и его практическим поведением, его можно назвать существом нецелесообразным. Он действует не по генетической программе своего организма, своего тела. Это кардинально отличает его от животных, несказанно возвышает его над ними, наделяет его всесторонностью физической и духовной жизни. И чем больше окультурен, «развит человек», тем больше он свободен в перемещениях с помощью своих неорганических тел и, тем меньше в его поведении целесообразности, которая заложена в структуре его органического тела. Его поведение становится «нетелосообразным» и даже деструктивным по отношению к его органическому телу. С помощью самодвижущихся технических средств человек «путешествует» в воздушных, водных, ледовых и иных пространствах, ходит по поверхности Луны, опускается на дно океана, — совершает много такого, что находится за пределами возможностей его органического тела. И потому он все более становится «нетелоцентричным».

Человек может куда-то (от кого-то или к кому-то) идти, физически перемещаясь в географическом пространстве, но он может совершать и внутренние путешествия, не требующие таких перемещений. Пример такого путешествия находим у Данте: «Земную жизнь пройдя до половины, — пишет он в «Божественной комедии», — я оказался в сумрачном лесу».

Издrevле мотивы «внешних» путешествий были самые различные. Кого-то, например, привлекала торговля. На Востоке в древности путешествовали торговыми караванами на верблюдах. Знаменитый «Шелковый путь» из Китая в Европу занимал 300 дней. В Средние века массы паломников устремились к христианским и мусульманским святыням. Просвещенческий, научный интерес сопровождал многим военным экспедициям. Так, в египетском походе Наполеона (1798 г.) приняли участие не только лучшие генералы Республики. Вместе с военными ехали ученые — будущий Институт Египта, объединивший представителей всех отраслей науки. В последние два столетия лечебно-развлекательный интерес влечет европейское общество «на воды» курортов Швейцарии, Германии, Австрии, Греции, Италии. Современные любители-болельщики спорта устремляются на Олимпийские игры и прочие глобальные и региональные чемпионаты, первенства и кубки.

Любое внешнее путешествие создает образ пространства. У охотничьих народов, пишет В. Г. Табачковский, пространство передвижений во время охоты репрезентируют кочевые пути путешествий. Культурный герой в соответствующих мифах совершает свои подвиги как бы на пути своих путешествий, в динамике пространства. Народам же земледельческой и городской культуры присущи представления о

статическом пространстве. Внутренняя форма славянского «pro-stor» апеллирует к таким смыслам, как «выше», «вперед», «вширь», «вовне», «открытость», «воля». «Pro-stor» – это свободное поле для человеческого самовыявления, в котором извечно существует переход между «своим» и «чужим» пространством (образов мысли, жизни, ценностей). Поэтому всякое путешествие есть действие по самоосуществлению человека как носителя культуры. Путешествие как осуществление пути имеет универсальное значение и в религиозном сознании. В буддизме – это путь исключения страданий, в христианстве – это путь очищения страданиями и обращения к абсолютной трансцендентности. Поэтому человеческие путешествия можно видеть экстравертивными и интровертивными. В человеческой жизни немало ситуаций, когда лучше отдалиться от чего-то (кого-то) телографично, нежели сосуществовать с тем, что (кто) тебя энергетически истощает. Соответственно, путь является или (и) бегством от чего-то (кого-то), или (и) стремлением к чему-то (кому-то). Выдающимся путешественником «к» был внук хоружего Запорожского войска Степана Мыклухы – Николай Миклухо-Маклай. Не менее известными путешественниками «от» были Г. Сковорода и Н. Гоголь [8, с. 15,17].

Казалось бы, чем внутренне богаче человек, тем меньше в нем потребность в экстравертных перемещениях в пространстве. Однако такие явные «интроверты», как Сковорода и Гоголь, не оправдывают наших ожиданий. Сковорода был сильно склонен к «бесцельным путешествиям». Едва выехав из Малороссии за границу – ему уже хотелось возвратиться в Малороссию, приехал сюда – тотчас «мигрирует» из Надднепровья в Слобожанщину и наоборот. «Душа его расточается и ищет» (В. Эрн). Богатая интровертность данного характера предстает как внутренняя «трагедия духа», как «укрошенный хаос» под «светлой гармонией», о которой говорил в «Житии Григория Сковороды» Н. Ковалинский. Поэтому большинство сквородинских экстравертивных пространственных перемещений было вызвано потребностью унять свое интровертное смятение [7, с. 18], что отразилось, по-видимому, и в эпитафии и на его могиле: «Мир пытался меня поймать, но я его обманул».

По-разному расшифровывают это послание Сковороды в будущее, этот тайный знак, сакральный месседж. Большинство трактует примерно следующим образом: банальный, скучный, серый, административный мир пытался интегрировать яркого мыслителя, а он не поддался и так и остался до конца жизни непритязательным странствующим рыцарем духа – без статуса, должности, обязанностей и формальных занятий. Но это можно истолковать иначе. Чаще всего под словом «мир» понимают «мирские соблазны», то есть атрибуты, предметы, объекты подвижности и недвижности, с помощью которых человек привязывается к наиболее реальным, плотским формам бытия. Во время Сковороды такими мирскими соблазнами являлись даже не должности, а именно атрибуты:

дорогой кафтан или жупан, повозка с тройкой роскошных лошадей, уютный и просторный дом недалеко от Киево-Печерской Лавры с геранью на подоконниках, многочисленная челядь, которая обслуживала любой каприз хозяина. Но к мирским соблазнам в те времена никогда не включали книги, возможность общаться с близкими людьми, путешествовать по полям и весям, не выбирая маршрутов, не зависеть от начальства и всегда говорить то, что думаешь. Так что Сковорода «обманул мир» только в той узкой части мирских предложений, которые вступали в противоречия со свободой духа, с чистотой совести и открытостью сердца.

Сегодня мир, а точнее «первый» мир, тоже пытается нас поймать. Только приманка в ловушках стала другой: крутые тачки и томные дивы, «хатынки» в престижных районах, а главное – «навороченные» гаджеты разного рода, которые становятся все больше частью человеческого тела и вытесняют живое общение и непосредственный контакт. Под это создана целая концепция пресловутого «среднего класса», класса тех, кого «первый мир поймал» в сети своих усредненных и банальных «приманок», увел массу людей в лабиринты твиттеров, фэйсбуков и пр. Гаджеты – хронофаги оттягивают жизненные силы, энергетику, витальность, оставляя жалкое время для теплоты живого общения, для соприкосновения рук и душ. Легко было Сковороде – у него был только один враг: госмашина, которая хотела заангажировать его соблазном своих подачек. Нас же атакует бесконечное множество все более немыслимых электронных фагов. «Средний класс» они уже фактически поглотили. Уцелели «чудаки», странствующие гуру, дервиши, философы, которые не имеют мобильных телефонов.

Возвратимся, однако, к нашим интровертам, подверженным «неврозу путешественника». Таковым был названный выше бездомный и безбытный Н. Гоголь. Петербург, Москва, Варшава, Вена, Рим, Франкфурт, Грейфенбург, Париж, южные берега Северного моря, Палестина, Одесса, Крым – вот далеко не полный перечень путешествий Гоголя «от». В одном из писем М. Погодину он пишет о том, что дорога – его единственное лекарство, она делает его свежим и бодрим.

Можно предположить, что каждое экстравертное путешествие Гоголя было своего рода замещением пути интровертного. Кроме того, каждое путешествие «от» (каких-то душевных, или телесно-душевных невзгод) было не самоцелью, оно имело позитивную цель, перерастая затем в «путешествие-к» (к большей успокоенности). Поскольку каждое из экстравертных путешествий такой цели не достигало, то и Сковорода, и Гоголь напряженно ищут среди них те, которые давали бы возможность приобщения к сакральному центру космизированного пространства. Сковорода, в конце концов, удовлетворяется отысканием такого центра в

своём внутреннем мире (хотя за два месяца до смерти уходит из села Хотеева в Надднепровье).

Гоголь за четыре года до смерти путешествовал «святыми местами», в последние годы на зиму приезжал в Одессу, на лето – на родину, последнее лето провел в Москве, эпизодически гостя на подмосковных дачах у знакомых. Умирал зимой 1852 года, живя у гр. А. П. Толстого. Очень не любил спрашивать о том, куда собирается путешествовать, и если отвечал на подобные вопросы, то ответы, как правило, не совпадали с реальным маршрутом. Тут можно усмотреть ревниво-интимное охранительное нежелание впускать кого бы то ни было в свою внутреннюю жизнь, могущую быть пораженной вторжением праздного чужого любопытства. Путешествия Гоголя «от» никогда не были странствиями космополита (гражданина мира), человека вне патриотизма и интересов своей родины, чуждого своему народу. «Ты думаешь, – пишет Гоголь М. П. Погодину 30 марта 1837 года из Рима, – мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли! Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир богатый искусством и человеком; но разве перо мое принялось описывать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я небесам лучшим, приветливее глядевшим на меня. И я после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить, – нет, слуга покорный! В чужой земле я готов все перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело; но в своей – никогда! (Этим по-видимому, можно объяснить трехлетнее, 1836 – 1839 гг., пребывание Гоголя за границей. – В. К.). Мои страдания тебе не могут вполне быть понятны: ты в пристали, ты, как мудрец, можешь перенести и посмеяться. Я *бездомный* (курсив наш. – В. К.), меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы, – сложить мне голову свою на родине!» [3, с. 225].

Феноменологическая установка эвристична для человека путешествующего тем, что она имеет целью непосредственное, непредвзятое восприятие как процесс образования определённого спектра значений, усматриваемых в предметах заинтересованного отношения, для познания которых необходимо возсоздание между предметом и сознанием познающего субъекта смыслового поля значений [6, с. 42]. Феноменологическая интуиция позволяет человеку путешествующему «к» замечать знаки, говорящие так же, как и слова, потому что внутри нас существует нечто, способное понимать многое, если не все, без слов. Кому-то вещи ничего не говорят, другим говорят шепотом, но есть люди,

которым вещи говорят вслух. Подобное обнаруживается, например, при восприятии живописи. Искусство только тогда имеет ценность, когда оно может разговаривать с человеком. Чтобы понять шедевр, советует Какудзо Окакура, нужно принизить самого себя и ожидать, затаив дыхание, хотя бы одного его слова. В прежние времена к любому произведению великих мастеров люди относились с благоговением. Возможно, это самый универсальный язык из всех существующих языков, понятных всем [5, с. 70]. Один довольствуется рисунком и цветом. Другому важно видеть согласованность цветов между собой, колорит (горячий как у П.-П. Рубенса, или «мерцающий» и фантастический, как в «Демоне сидящем» М. Врубеля). Третий способен «в раздумии немом» общаться с картиной, и тогда она доверительно открывается ему в полноте глубоких смыслов. Такой обнаруживается и в слушании музыки, он чувствует и душу исполнителя, и душу сочинителя, и потому музыка говорит ему о многом.

Все окружающее нас как-то и что-то говорит нам («имеющий уши да услышит»). Во всем есть скрытый смысл и скрытая мелодия. И «безглагольность» «говорит»: «Есть в русской природе усталая нежность. Все «говорит» – в природе, искусстве, в обыденной жизни, – все подает нам знаки, если, например, безмолвно прислушиваться к ветвям, качающимся в небе, молча внимать порхающей бабочке, бессловесно безвестного кого-то благодарить за яблоко в ладони. Если бы человек мог понять эти знаки, он смог бы понимать все. Но если он не слышит эти знаки, он не должен говорить, что жизнь не разговаривает; если он не чувствует смысла жизни, он не должен говорить, что жизнь не имеет смысла. Слово находится повсюду, и слово постоянно говорит. «Логос говорит деревьями, землей, птицами, животными, водой, людьми, вещами» [9, с. 57]. Под «словом» подразумевается здесь не только слово, слышимое ушами; под словом подразумевается все, что передается, что выражается и что приходит к нам, как откровение.

Религия провозглашает мир, сотворенным из «Логоса», что в переводе означает «слово», «речь». В ведической культуре окружающая природа дышит, чувствует, имеет свой голос, ум и как бы подсказывает человеку как правильно и гармонично с ней жить. То, что человек слышит ушами, обоняет носом, ощущает на вкус, чего касается различными чувствами, – все, что становится постижимым, – это есть слово. Другими словами, миссия жизни состоит в том, чтобы передать нам что-то, и все, что она передает, есть ее истинное слово, опосредованное органами чувств. Согласно Р. Декарту, вещи, постигаемые нами вполне ясно и отчетливо, – истинны.

Однако органы чувств постиндустриального человека значительно снизили свою восприимчивость. Технизация жизни увеличивает информационную нагрузку на сенсорные системы в диапазоне сигналов большой и средней силы и устраняет необходимость в использовании сигналов слабой и очень слабой мощности, которые составляли рабочий

диапазон жизнедеятельности человека, живущего в естественных природных условиях. Это приводит к снижению остроты зрения, слуха, обоняния [4, с. 123, 286-287], к потере эмоциональной «неосознанной тождественности» с природными феноменами, которые постепенно утратили свои символические значения. Гром – это уже не голос разгневанного божества. В реках уже не обитают духи. Нет такой змеи, которая была бы воплощением мудрости, нет такой пещеры, в которой бы обитали демоны, нет теперь голосов, которые говорят с человеком из камней, растений, животных, точно так же и он не говорит с ними, не веря, что они могут слышать. Его контакт с природой исчез, и с ним исчезла глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь [10, с. 427].

Но слово зависит не только от вкуса, слуха, зрения, обоняния и осязания. Мы привыкли называть их так, потому что испытываем их через соответствующие сенсорные системы; в действительности же существует только одно чувство – чувство жизни как результат суммирования внешних чувств. Поскольку жизнь испытывается через органы чувств, опыт жизни становится разделен на отдельные переживания; то есть можно сказать, что слово, или жизнь, становятся тем, что видимо, слышимо, и его можно потрогать или попробовать на вкус. Но помимо этих аспектов, при помощи которых мы привыкли слышать слово, существует другой способ слышания его, независимый от пяти чувств, и этот способ слышания слова называется интуитивным. Когда мы встречаем кого-то, мы говорим, что у нас сложилось определенное впечатление о нем. И это показывает, что существует язык за пределами чувств, но который мы в состоянии понять [2].

Культурно-географические зоны, природные ландшафты предстают для путешествующего феноменальным миром чувственного восприятия, миром предметов видимых, слышимых, осязаемых, обоняемых, которые, становясь явлениями человеческого сознания, могут быть в творческом процессе изображены – отражены в литературе, поэзии, живописи, музыке, пластике – в мире переживания высоких чувств и созерцания сущностей. В чувственном восприятии душа интуитивно ищет и нередко находит способы и возможности не только обрести радость и другие позитивные эмоции, но и помочь себе. Это похоже на инстинктивное отыскивание зверем или птицей тех трав и цветов, которые могут помочь им в болезни [1, с. 56]. Подобное, по-видимому, происходит при восприятии природы, живописи, музыки, поэзии, в которых мы ищем нечто близкое, дающее особое удовольствие, счастье понимания, и потому помогающее жить. Конгениальные душе человека картины природы, произведения искусства рождают ощущения, будто он пришел домой, где его любят и понимают («счастье там, где верят нам, где любят нас» – М. Ю. Лермонтов), где принимают его таким, какой он есть. Такое согласие-созвучие поддерживает душу, дарит ей (пусть ненадолго, но оно дорогого стоит)

благодарное, благоговейное восприятие жизни, близкое восприятию красоты, благодатность которой была ведома Гераклиту, пифагорейцам (изысканству и соразмерности в построении собственной жизни следует учиться у первообраза красоты – природы), Платону, Леонардо да Винчи, Шиллеру, Бетховену, Достоевскому и многим *Homo viatorum* – искателям и поклонникам красоты.

Эстетическое чувство, представляющее собой восторг при виде предметного совершенства, безотчетную радость, торжественное состояние духа, возникает от ощущения благотворности для нас реальной, многоликой материальной красоты. (По современным представлениям, красивые вещи излучают биополе. От созерцания красивых предметов черпается духовная энергия – даже от любования обоями или безделушкой, купленной в художественном салоне). «Если вы утром из своего окна каждый день будете видеть красивое дерево, – писал В. Солоухин в рассказе «Приговор», – красивую улицу, красивый дом, красивый пейзаж, хотя бы и городской, вы будете себя чувствовать лучше и проживете дольше».

Благотворную роль красоты можно наблюдать и в спорте, например, в легкоатлетическом беге, где красота (легкость, изящество) «работает» не только на эстетику, но и на безопасность суставов. Возможно, не так уж неправы те, кто не противопоставляет эстетическое наслаждение (красоту) физическим потребностям, так как в эстетическом переживании наличествует и элемент утилитарного интереса, хотя бы как в приведенном примере, с точки зрения удовлетворения человеческой потребности в сохранении здоровья. Красота же природы буквально спасает человека, потому что он останавливает свой взгляд на ней и по плотоядным соображениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленькая А. С. Рисунок собственной души /А. С. Беленькая // Человек. – 2005.– № 4. – С. 55 – 57.
2. Бонецкая Н. К. П. Флоренский: русское гетеманство /Н. К. Бонецкая //Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 97 – 116.
3. Вересаев В. В. Гоголь в жизни /В. В. Вересаев. – Х.: Прапор, 1990. – 680 с.
4. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности / Л. П. Гримак. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
5. Какудзо Окакура. Книга чая /Окакура Какудзо. – Мн.: Харвест, 2002. – 96 с.
6. Косяк В. А. К феноменологии туризма / В. А. Косяк // Стан і перспективи сучасного туризму: матеріали I Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю (Суми, 22-23 листопада 2012 р.). – Суми: Університетська книга, 2012. – С. 41 – 49.

7. Мерло-Понти М. Око и дух /М. Мерло-Понти. – М.: Искусство 1992. – 63 с.

8. Табачковський В. Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» /В. Г. Табачковський. – К.: Видавництво ПАРАПАН, 2005. – 432 с.

9. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 605 с.

10. Юнг К. Г. Приближаясь к бессознательному /К. Г. Юнг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 351 – 436.

РЕЗЮМЕ

В. А. Кóсяк. Мандрювання. Досвід феноменологічної редукції.

Осмысливается проблематичность закреплённости за людиною, яка мандрує, визначеного топосу в світі, оскільки людина ексцентрична, не центрована в своєму органічному тілі, оснащена неорганічною соматикою і тому володіє багатьма «ступенями свободи» для виконання численних культурних функцій, переміщень і перебувань у різних просторах. Розглядаються фактори, що підтримують «мандрівний невроз». З'ясовуються мандрювання «зовнішні» і «внутрішні» (екстравертивні та інтровертивні), мандрювання як здійснення шляху в релігійній рефлексії, шляху як уникнення від чогось, и шляху як прагнення до чогось, шляху, де все довкілля подає нам знаки, щось говорить нам.

Ключові слова: мандрівник, неорганічне тіло людини, людина, яка не центрована у своєму тілі, мандрювання екстравертивні, мандрювання інтровертивні, мандрювання «від», мандрювання «до».

SUMMARY

B. Kósyak. Travelling. Experience of the Phenomenological Reduction.

The difficulty of a travelling man's fixedness of a certain topos in the world is comprehended, as a man is eccentric and centerless in his organic body, equipped with inorganic somatic, and that's why has many «degrees of freedom» for the performance of diverse cultural functions, travel and stay in the different spaces. Factors buddhaing the «camping neurosis» are considered. It is explicated «outer» and «inner» (extrovert and introvert) travelling, travelling as implementation of the ways of religious reflection, ways as departure from something, and ways as commitment to something, ways where the environment submits us signs, somehow tells us something.

Key words: a travelling man, man's inorganic body, a nonbogycentred man, an extrovert travelling, an introvert travelling, a «from» travelling, a to» travelling.